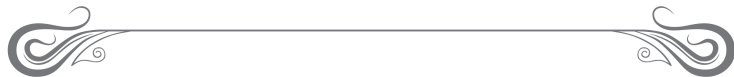

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ТУРКЕСТАН

Москва

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

Читайте все книги НИКОЛАЯ СВЕЧИНА об АЛЕКСЕЕ ЛЫКОВЕ:

1. Завещание Аввакума
2. Охота на царя
3. Роковые числа
4. Хроники сыска
5. Выстрел на Большой Морской
6. Пуля с Кавказа
7. Дело Варнавинского маньяка
8. Варшавские тайны
9. Мертвый остров
10. Убийство церемониймейстера
11. Московский апокалипсис
12. Туркестан
13. Удар в сердце
14. Темные всадники
15. Дознание в Риге
16. Касьянов год
17. Лучи смерти
18. Тифлис 1904
19. Банда Кольки-куна
20. По остывшим следам
21. Фартовый город
22. Узел
23. Случай в Семипалатинске
24. Одесский листок сообщает
25. Столица беглых
26. Восьмое делопроизводство
27. Кубанский огонь
28. Взаперти
29. Паутина
30. На краю
31. В отсутствие начальства
32. Как Лыков не стал генералом
33. Уральское эхо
34. Дела минувшие
35. Ледяной ветер Суоми
36. Мечь – блюдо горячее
37. Адский прииск

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ТУРКЕСТАН

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.
С24 Туркестан / Николай Свечин. — Москва : Эксмо,
2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-216318-0

Июнь 1894 года. Оставив службу в Департаменте полиции, Алексей Лыков вместе со своим приятелем Титусом едет в Туркестан, чтобы продать лес для строительства железных дорог. Ташкент — город на Великом шелковом пути — встречает путников прекрасными мечетями, яркими коврами и людными улицами. Казалось бы, ничто не может нарушить привычной и размеренной жизни горожан. Но Ташкент потрясает череда кровавых и жестоких убийств. Самое странное, что все жертвы — русские поселенцы. Кто стоит за этим? Новоиспеченные лесопромышленники решают помочь полицеймейстеру туземной части, полковнику Скобееву, расследовать это запутанное дело, в котором, как выясняется, замешаны не только мусульманские фанатики...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216318-0

• 1 •

ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Лыков с Титусом сидели на диване бок о бок. Они были раздеты донага, но замотались в простыни. В купе стояла невыносимая жара, усиленная духотой. Открытое окно не спасало: поезд едва тащился по раскаленной пустыне.

Напротив друзей расположились их попутчики, тоже задрапированные. Один был негоциантом, доверенным¹ Московского торгово-промышленного товарищества. Сутки назад, войдя в вагон, он представился: Степан Антонович Христославников. И тут же сообщил, что везет с собой крупную сумму для выплаты задатков хлопкоробам. А потому просит принять его в компанию. Так безопаснее в незнакомой местности. Негоциант был упитанный мужчина лет пятидесяти, с редкой бородой и угреватым желтым лицом. Человек

¹ *Доверенный* – ответственный представитель фирмы, уполномоченный подписывать контракты. (Здесь и далее – примеч. автора.)

он оказался приятный, скромный и молчаливый. Всю дорогу Степан Антонович охотнее всего слушал других, не выпячивая собственную личность.

Второй попутчик появился за пять минут до отправления поезда. Среднего роста, среднего сложения, очень загорелый капитан с аннинским темляком на шашке назвался Иваном Осиповичем Скобеевым. Должность у него была интересная: полицмейстер туземной части Ташкента. Старый служака чуть не всю жизнь провел в Туркестане. Для попутчиков он оказался сущим кладом. Капитан знал все и всех в крае и по любому вопросу мог дать квалифицированную справку. Само собой устроилось, что он возглавил компанию. Хваткий и деловой, что называется себе на уме, Скобеев взял над соотечественниками шефство: опекал, пояснял и помогал. Под его крылом их быт сразу наладился.

Лыков с Титусом купили себе четырехместное купе. Этого потребовал управляющий. Прошлой осенью он впервые съездил в Туркестан и рассказал по возвращении всякие ужасы. Закаспийская железная дорога и без того славится большой неустроенностью и очень низкой провозоспособностью. Но специфика края делает жизнь пассажиров совсем уж тяжелой: вагонов первого класса нет вовсе, а люди попадают разные. Над Титусом расположился богатый сарт¹. Пять раз в день он совершал намаз, а перед этим — тахарат, молит-

¹ *Сарты* — в императорской России самоназвание оседлого населения Ташкентского, Ферганского и ряда других оазисов.

венное омовение. Ночную и утреннюю молитвы сарт творил, не слезая с полки. Там же и омывался... Грязная вода стекала Титусу на голову и заливала постель, но попутчика это нимало не беспокоило. Возражения и возмущения он просто игнорировал. Яан обратился к обер-кондуктору, но тот лишь развел руками: ничего не поделаешь, надо терпеть. Все туземцы так поступают. А когда сарт закусывал, то сальные руки вытирал о чрезвычайно грязный и вонючий халат, объедки же кидал на пол. Это длилось три дня, пока состав тащился от Узун-Ады до Самарканда. Впечатленный Титус настоял поэтому, что помещаться в купе надо без соседей. И в этот раз они ехали вдвоем. Пока добровольно не присоединили к себе русских попутчиков...

Уйдя со службы, Алексей занимался теперь делами имения. Дача в Варнавинском уезде давала много хорошего леса. Яан, управляющий и друг, предложил поставлять его в Туркестан. Там шло строительство железных дорог и требовалось много дерева на шпалы. Единственный рельсовый путь лежит сейчас от Каспийского моря до Самарканда. Но в планах Военного министерства продлить его до Ташкента и далее до Верного. И сделать ответвления в Кушку и Коканд. Да еще соединить в обозримом будущем Ташкент с Оренбургом. Золотое дно! Огромная дорогостоящая работа. Своего леса в Туркестане мало, его берегут и не дают использовать. Именно военные управляют краем, им и решать, куда пролягут новые пути. И у кого купить материал на шпалы...

Деликатный вопрос выбора поставщика решается, конечно, в Ташкенте. Генерал-губернатор барон Вревский является одновременно и командующим войсками Туркестанского военного округа. Закаспийская дорога тоже военная. Начальники мастерских и даже станций — офицеры двух туркестанских железнодорожных батальонов, а кондукторы в поездах — солдаты. Строительство отдано гражданским инженерам, но ведется под диктовку интендантского управления. И хотя создана особая дирекция по строительству, ее вопросы — технические. Осенью Титус встретился со всеми участниками концессии и уехал несолоно хлебавши. Важные люди в погонах сказали ему: мы с приказчиками дел не имеем. Пусть явится хозяин и будет готов хорошо заплатить...

Лыков думал всю зиму и весну. Кормить воров ему не хотелось. Но с волками жить — по-волчьи выть. Известно, что в Туркестане без взятки не решается ни один вопрос. Хочешь обеспечить будущее своих детей — покупай входной билет. В итоге в конце мая 1894 года двое приятелей выехали на юг. Поездом добрались до Владикавказа, там пересели в тарантас и перевалили Кавказский хребет, едва не погибнув под сходом снега. Прибыли в Баку и погрузились на пароход общества «Кавказ и Меркурий». Общество это монополизировало доставку желающих попасть на другой берег Каспийского моря. Оно знаменито наплевательским отношением к пассажирам. Пароходы отправляются через день, удобств на них почти нет, команда грубая, море дикое. Через

семнадцать часов плавания друзья сошли на желтый пустынный берег.

Крохотный городок Узун-Ада — ворота в Среднюю Азию. Один шайтан знает, почему строитель Закаспийской дороги генерал Анненков выбрал это место. Неподалеку стоит порт Красноводск, много более удобный для зачина. Но первый костыль забили в Узун-Аде. Отсюда уходят рельсы в самое сердце края. И встретил гостей городок весьма неприветливо. Сначала строгий полицейский чиновник потребовал от вновь прибывших паспорта. Слово от иностранцев... Титус объяснил приятелю, что так принято. Въезд в Туркестан ограничен — главным образом для самовольцев, переселенцев, решивших сменить место жительства без разрешения властей. Затем выяснилось, что пароходы ходят сами по себе, а поезда — сами по себе. И ближайший состав на Самарканд уйдет лишь через двое суток. Алексей с Яном прокляли все на свете, дожидаясь машины. Узун-Ада выстроен в очень хорошей бухте, но само место отвратительное. Город поставили на кочующих песках. Из-за этого все дома подняты на сваях, а вместо крыльца в них высокие лестницы. Входишь, например, в здание почты по земле, а выходишь через полчаса — под тобой аршин пустоты. Пекло, в тени тридцать пять градусов, а спрятаться некуда. Пойти тоже некуда, и негде поесть. Спали горе-путешественники на вокзале, на грязных скамьях, и подъедали в грязном буфете несвежие бутерброды. Воды не хватало — ее привозили за пятьсот верст из Асхабада в деревянных баках. Те-

плая и вонючая, желто-коричневого цвета, она не освежала. С одиннадцати часов утра и до пяти пополудни все замирало и укрывалось в тень. Жизнь как в парилке русской бани...

Наконец пришел новый пароход и привез более сообразительных пассажиров. Тех, кто умел состыковать два расписания, морское и железнодорожное. Уже через час после парохода на станцию подали состав. Лыков впервые увидел вагоны, выкрашенные в белый цвет. Мигом преобразился сонный буфетчик: пароход доставил ему провизию. Алексей с Яном успели съесть по эскалопу и захватили в дорогу сыр с хлебом. Другого ничего не взяли — стухнет на такой жаре. И приготовились мучиться.

Вагон второго класса был полон. Больше всего оказалось туземных купцов, за ними шли офицеры. Хватало и чиновников в мундирных сюртуках. Русское партикулярное платье почти не встречалось. Капитан Скобеев получил место в обществе персов, но разглядел трех русских негоциантов и пересел к ним. Он представился, выслушал, кого как зовут, и тут же сообщил:

— А я вот за асфальтом ездил!

— За каким еще асфальтом? — удивились соотечественники. — За природным?

— Да. На острове Челекен есть месторождение, и меня послали ознакомиться. Правитель канцелярии генерал-губернатора хочет выложить им в Ташкенте одну улицу. Вызвал и приказал: Иван Осипыч, сгоняй по-быстрому, узнай, что почем.

— Это за какие грехи такое наказание? — ахнул Христославников.

— Наказание? — сощурился полицмейстер.

— А разве нет? В самое пекло по пустыне скитаться...

— Вовсе даже не наказание, а, наоборот, поощрение!

— Какое же здесь поощрение? — удивился Степан Антонович.

А Лыков подумал секунду и спросил у капитана:

— Прогоны?

— Именно! — обрадовался тот. — Вот вы молодец, сразу догадались. У нас же прогонны до сих пор платят, как на перекладных. А я две трети пути поездом одолею. Билет в оба конца стоит 65 рублей 80 копеек. А от Ташкента до Самарканда и обратно меня сарты доставят. На свой счет. Что получается? Получается экономия! Мне как чину восьмого класса полагается три лошади. По две с половиной копейки на версту за каждую лошадь... умножаем... получаем семь с полушкой. За версту. А их по железной дороге 1344, да между Самаркандом и Ташкентом почти 500. На круг выходит 200 рублей профиту! И все законно. Как в армии — безгрешные доходы. А то жалованье маленькое, взяток же я не беру. Ну, в смысле, не требую...

Алексей понял бывшего коллегу. Он тоже, когда служил помощником квартального надзирателя, не стеснялся брать от купцов пятерки да трешницы. Люди сами суют — отчего же не взять? Чтобы внимательнее смотрел, служебное рвение проявлял. Сравнение с армией тоже понятно. Безгрешными доходами там на-

зывают законный дополнительный заработок ротного (эскадронного, батарейного) командира. Он образуется сам собой, без всяких злоупотреблений. Справочные цены на закупку фуража и провианта в местах стоянки частей всегда спускают из штабов с некоторым запасом. Так принято, чтобы не впасть в убыток. Роты покупают себе что нужно чуть дешевле. А в отчете ставят справочную цену. Разница идет командиру, но не только в его карман. В ротном хозяйстве всегда чего-то не хватает. Солдатам не полагается от казны ни постельного белья, ни одеял с подушками. И порядочный капитан улучшает быт подчиненных за собственный кошт. Например, покупает личные и ручные полотенца или заводит чайную. Кроме того, он ежедневно принимает на квартире своих офицеров, а те не прочь выпить водки. В роту приходят гости. Так что безгрешный доход помогает армейским беднякам сводить концы с концами. В полиции то же самое. Жалованье маленькое, обмундироваться и даже вооружаться приходится на собственные средства. Дрова и свечи всегда экономят, поскольку денег на их закупку отпускается недостаточно. А уж на канцелярскую нищету без слез не взглянешь... Так что получил капитан Скобеев дополнительную выгоду, и слава Богу!

— Ага! Тогда расскажите нам, за что вас поощрили! — поддержал разговор Титус.

— Охотно доложу, — обрадовался полицмейстер. — Поощрили меня за то, что я выследил и арестовал знаменитого в Ташкенте вора Мада-сартараша. Два года

его ловили в русской части, а поймал я, отвечающий за туземную часть!

— Ловкий был?

— Не то слово! Мад — это сокращение от имени Мухаммед, а сартараш означает «цирюльник». Ну, еще он делает обрезание... Наш герой был обычный туземец, в молодости стриг и брил, да вдруг подался в воры. И открылся у него к этому значительный талант. Чуть не сорок квартир ограбил, прежде чем я его поймал!

— Иван Осипович! — взмолился Христовславников. — Просветите нас по этой части! Кому же знать, как не вам? Правду ли говорят, что Ташкент — город воров?

— Правду, — кивнул капитан. — На весь Туркестан мы этим прославились, прости Господи... Так что, когда приедете, держите ушки на макушке. А деньги, что при вас, лучше сразу снесите в банковскую контору, у себя не храните!

Все трое негоциантов переглянулись. Не только Степан Антонович имел при себе значительную сумму. У Лыкова с Титусом было рассовано по карманам десять тысяч рублей — на взятки интендантам.

— А почему так сложилось? — поинтересовался Алексей.

— Специфика, — вздохнул полицмейстер. — С конца мая начинается у нас страшная жара. И все, кто может, бегут из города. Чиновничество переезжает в Чимган, это в восьмидесяти верстах от Ташкента. Там горы, которые сводят жару на нет. Хороший климат, санатория для войск, дачи. Устроено гелиографическое сообще-

ние с Ташкентом. А войска, кроме караульных рот, поголовно уходят в летние лагеря. Вот и получается, что квартиры офицеров и чиновников на три месяца пустеют. Как тут не появиться вора́м?

— Выходит, у местного населения воровство в крови? — уточнил Титус.

— Не совсем так, — ответил Скобеев. — Конечно, сарты — большие мошенники. Но воруют в Ташкенте все-таки пришлые, не коренные. Тут виноват хлопок.

— Хлопок? — удивился доверенный.

— Он самый. Вокруг Ташкента имеются его обширные поля. А хлопок, следует сказать, требует большого ухода. Сажать его начинают в конце марта — начале апреля. Как посадили — надо два раза окучить. А еще полоть, править борозды, рыхлить землю, прореживать... Одних поливок за весну-лето полагается делать шесть. Когда куст поднимется, он вытеснит все сорняки, но до того ему надо помогать. Еще между кустами подсеивают где мак, а где коноплю, для производства из них дурмана. Занимаются всем этим поденщики-мардикоры, которые сходятся в Ташкент из окрестностей в значительных количествах. Ну, окучили первый раз — не возвращаться же им домой! Заработки на хлопковых работах хорошие, по восемьдесят копеек в день. А между хлопковыми в городе есть только дешевые работы, по двадцать-тридцать копеек. Мардикору горбатиться за них неохота, и он остается ждать. И чтобы прокормить себя, принимается за воровство. Таким образом, в Ташкенте на несколько месяцев скапливается

множество пришлых людей. Живут они где попало, в ожидании спроса на свои силы. А рядом — полупустой русский город. Вот и развивается воровство...

— А туземную часть почему не обворовывают, только русскую? — спросил Лыков.

— Правильно интересуетесь, — одобрил полицмейстер. — Сарты ведь тоже на лето переезжают. У каждого исправного туземца есть на краю города собственный надел, вроде дачи. Там сад с огородом, обязательно заходит арык, есть хауз, то есть пруд для купания. Летний домик не из саманной глины, а деревянный, и стоит не в раскаленной улице, а под тенью деревьев на просторе. Прохлада, вода журчит... Но городской дом сарта никогда не бывает пустым. Когда вся семья переехала, в карауле оставляют племянника, бедного родственника или какого приживальщика. Туземный Ташкент разбит на кварталы, называются они махалля. В каждой из них есть штатный сторож. Да и соседи друг друга знают. Незнакомец вызывает подозрения, за ним приглядывают все одномахаллинцы. Украсть не дадут!

— Получается, что воры в Ташкенте — это случайные преступники, пришедшие на заработки, — усомнился Титус. — А зимой все спокойно и жуликов-профессионалистов нет? Трудно поверить в такое!

— Вы правы, Яков Францевич, — ответил Скобеев. — Профессионалисты везде есть, в том числе, конечно, и у нас. Вот хоть тот же Мад-сартараш. Но их много меньше, чем, к примеру, в Одессе. Репутацию города воров

создают именно хлопковые поденщики. А зимой в Ташкенте как везде...

Лыков не удержался и поддел полицмейстера:

— Выходит, Иван Осипович, у вас в туземной части забот меньше, чем в русской?

— Это так. Но потому лишь, что сарты — народ очень скрытный. Все свои вопросы они стараются решать без привлечения властей. Приедете — убедитесь. Они вообще не любят русскую администрацию. Идешь по улице, а с тобой никто не здоровается. Будто и нет тебя вовсе! Ежели не знать местных обычаев, можно и обидеться.

— А если знать?

— Тогда выходит, что обижаться не на что. Туземцы просто боятся, что русский не ответит на их приветствие. А это очень большое оскорбление, и не только для самого сарта.

— Что, вся махалля обидится? — съязвил Титус.

— Нет, берите выше, — серьезно ответил Иван Осипович. — Я сейчас поясню, а вы запомните — пригодится. Словами «ас-салям-алейкум», что означает «мир вам», мусульманин обращается только к единоверцу. Для китаби, что переводится как «имеющие Писание» (в число китаби входят и христиане), установлена другая форма. Вам скажут «ас-салям-алейман-ит-табааль-гуда», то есть «мир идущему на истинный путь».

— Впервые слышим! — признались Титус с Христославниковым.

— Вот! — назидательно поднял палец капитан. — Туземцы этого и боятся! Что русские, не знающие обыча-

ев, не дадут им джуабы, то есть ответа на приветствие. Ведь «мир вам» адресовано не только конкретному лицу, но и тем двум ангелам, что есть у каждого мусульманина. Это ангелы-записыватели, которые ведут учет добрым и злым делам человека для Страшного суда. Значит, оскорбление будет нанесено и ангелам тоже, а это уже тяжелый грех. Поэтому нам, русским, в лучшем случае говорят «издрат», то есть «здравствуйте». Но если пройти и потом оглянуться, то можно увидеть, как многие плюют тебе вслед. Ничего не поделаешь, приходится терпеть...

Лыков, бывавший на Кавказе, не услышал ничего нового. Магометанские окраины империи, покоренные относительно недавно силой оружия, с трудом терпят русское владычество. Случись что, не в спину плюнут, а голову срежут... Отставной сыщик решил сменить тему:

— Иван Осипович, ведь что-то вы недоговариваете. Правитель канцелярии, второе лицо в крае, вызвал именно вас. Чтобы разведать про асфальт... Хотя между им и вами еще куча начальства. Как это вышло? Вы пользуетесь личным доверием его превосходительства?

— Так и есть, — Скобеев самодовольно покрутил ус. — Действительный статский советник Нестеровский знает меня как ловкого человека. И время от времени дает личные поручения в обход всех. Константин Александрович доверяет мне щекотливые дела. А все потому... ну, скажу без бахвальства, что я — лучший сыщик в Ташкенте. И не только. Сыскного отделения в городе нет. Общая полиция сформирована из военных, кото-

рые премудростям ловли жуликов не обучены. А у меня вроде бы как талант. Призвание, что ли. И когда случается что-то эдакое, всегда зовут меня.

Яан незаметно покосился на приятеля и спросил:

— А как ваше прямое начальство относится к знакам внимания сверху? Обыкновенно это не нравится.

Иван Осипович поморщился:

— По-разному. Ташкент — столица не только всего края, но и Аму-Дарьинской области. Областное правление в обществе именуют «помойной ямой». Военный губернатор области генерал-лейтенант Корольков интересуется ботаникой в ущерб прямым своим обязанностям. Из полиции Ташкентского уезда недавно уволился полковник Абграл, так его все называли — Абкрал! И за дело... Начальник Ташкента полковник Тверитинов в должности недавно и пока ничем себя не проявил. Вот до него был человек! Путинцев Степан Романович. Тот был на своем месте. Но его убрали после известного холерного бунта, совершенно незаслуженно... но об этом как-нибудь в другой раз.

Скобеев имел в виду события, происходившие в Ташкенте в 1892 году. Некоторые называли их волнениями, некоторые даже восстанием. Тогда толпа туземцев разгромила канцелярию начальника города. А самого его чуть не порвала на части. Войска стреляли в толпу, были убитые и раненые. Лыков с Титусом хотели бы услышать правду из уст сведущего человека, но капитан замкнулся и явно желал прекратить этот разговор. И приятели отложили расспросы.

Так они и ехали по раскаленной пустыне Кара-Кум. Справа вдалеке тянулись вершины Копетдага, по левую руку лучше было не смотреть... Вагона-ресторана в поезде не полагалось, и приходилось питаться всухомятку. Иван Осипович очень выручал своими наставлениями. Он говорил, например:

— Сейчас будет станция Зерабулак. Там перед зданием вокзала сидит женщина суровой наружности, с усами как у гренадера. Это вдова кочегара Анна Матвеевна. Она варит очень вкусный борщ. Поезд стоит десять минут. Бегите сразу к ней и постарайтесь успеть. А я тут вещи покараулю.

Или:

— Подъезжаем к Катта-Кургану. У старика с петлицами горного ведомства можете купить печеного картофеля. Больше ничего ни у кого не берите!

Сам капитан при знакомстве первым делом развернул станиоль¹ и угостил попутчиков очень вкусной дичью. Назвал он ее по-местному: качкалдак. Оказалось, что это морская утка — такие во множестве водятся на Каспийском побережье. Неприхотливый полицмейстер обходился хлебом и чаем. Когда ему предлагали водки, он с благодарностью угощался. Несмотря на жару, водка шла хорошо. А без нее впору было бы стреляться...

Лыков выходил на каждой станции и с любопытством осматривался. Особенно его поразили туземцы.

¹ *Станиоль* — сплав олова со свинцом, раскатанный в тонкие листы наподобие фольги. Применялся для упаковки продуктов.